

ИДЕЯ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

По мере развития экономического кризиса и поляризации политических сил современной России остается все меньше возможностей преодолеть данные негативные явления демократическими средствами. Делаются попытки переосмыслить модернизационные возможности авторитарных режимов, ссылаясь на опыт широкомасштабных преобразований в таких странах как Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Бразилия, Чили и пр. Свобода (в первую очередь — политическая) при этом перестает рассматриваться как непереносимое условие и важнейший элемент модернизации общества. Ее место занимает критерий политической стабильности. Быстрое экономическое развитие указанных стран при значительном уровне индустриализации, изобилии потребительских товаров и растущем уровне и качестве жизни населения выглядят особенно убедительно на фоне происходящих в России спада производства и обнищания населения.

Однако далеко идущие выводы делаются на основе анализа процессов, длительность которых не превышает нескольких десятилетий. В развернутой же исторической перспективе ускоренное развитие одних сфер жизни общества за счет консервации или регресса других не представляется благотворным открытием. Пример России, которая, повинувшись организационному таланту и железной воле Петра I, в течение одного поколения оказалась «западнее Запада», а затем более столетия платила за внутреннюю несогласованность преобразований, здесь вполне уместен.

ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, МОДЕРНИЗАЦИЯ

Процесс модернизации, то есть перехода от традиционного общества к индустриальному, в Западной Европе и странах европейской «полупериферии» (Российской и Османской империях, Прусском и Польском королевствах и пр.) протекал по принципиально различным сценариям.

В Западной Европе он зародился в XVI столетии и в дальнейшем развивался как спонтанное и комплексное изменение всех сфер общественной жизни: экономической, политической, социальной и культурной. Истоки процесса лежали в логике развития самой общественной жизни, то есть главным действующим лицом было общество, стремившееся к более полному удовлетворению материальных и духовных потребностей. Роль государства не была определяющей: в конечном итоге она сводилась к приспособлению к менявшимся реалиям общественной жизни. В тех случаях, когда государство не справлялось с этой задачей, общество отвечало социальными движениями, корректировавшими правительственную политику или даже менявшими политический строй. Модернизация носила характер постепенного и длительного поиска никем не освоенного, оригинального пути развития.

Отставшие в развитии страны «полупериферии» оказались перед дилеммой: проведение своей модернизации (вторичной и подражательной по отношению к Европе) или превращение в контролируемый извне источник сырья для европейского рынка (то есть в «звено» чужого модернизационного процесса). Вариант постепенной модернизации в непосредственной близости от Европы был безвозвратно потерян. В Польше процесс пошел без определяющего влияния государства, что, казалось бы, роднило польскую модернизацию с западноевропейской. В результате центробежные силы в лице ориентированных на европейский рынок магнатов и компрадоров подорвали могущество монархии, затем последовал крах самой польской государственности. На фоне этой катастрофы более успешными представляется опыт России, Пруссии и Турции, в которых вдохновителем, идеологом и руководителем модернизации (или по меньшей мере чрезмерно строгим и придирчивым куратором) выступило государство. Однако это было лишь меньшим из двух зол. Издержки искусственного ускорения экономических, политических и культурных преобразований неизбежно должны были быть отнесены на счет социальной сферы, то есть прав и благосостояния народа.

В царствование Петра I Россия по многим показателям не только догнала, но и перегнала Западную Европу именно благодаря закреплению и усилению крепостного права. Тем самым петровские реформы заложили фундамент будущего застоя и нового отставания. Для того, чтобы пояснить эту мысль на примере развития металлургической промышленности Урала, позволим себе обширную цитату из работы видного экономиста первых лет Советской власти А.П.Спундз: «Уральская металлургия выросла поразительно быстро. Но она выросла не в качестве органически прогрессивного элемента в теле феодальной экономики. Наоборот, ... феодальный строй в лице Петра оказался достаточно силен, чтобы для продления своего существования создать исторический уникум — промышленность на крепостном труде. Зародышу будущего Петр придает реакционную социальную форму. ... Этим он настолько укрепил класс феодалов и настолько ослабил неизбежный рост буржуазии и буржуазных отношений, что русское дворянство, которое к началу его царствования почти полностью исчерпало свои внутренние силы, сумело сохранить монопольную власть еще на 200 лет. С этой точки зрения потрясающая картина гниения послепетровской России является естественным и закономерным следствием успеха его реформ. Промышленность на Западе толкала феодализм к могиле. Крепостная промышленность Петра усиливала его. ... Европейские заводчики под угрозой гибели в конкурентной борьбе должны были тратить высокую долю прибыли на расширенное воспроизводство и техническое переоборудование заводов. А уральская металлургия родилась и выросла, окутанная монополиями на рабский труд, на леса и недра, монопольной защитой от могущих возникнуть рядом конкурирующих предприятий. Закрывшийся всяческими видами монополий уральский горнозаводчик тратил на расширенное воспроизводство совсем ничтожную часть своих прибылей. Отсюда застой и загнивание уральской металлургии и ... ее исключительный паразитизм»[1].

ЛИБЕРАЛИЗМ ПРОТИВ ДЕМОКРАТИИ

Однако в течение всей первой половины XVIII столетия порочность российской модели модернизации еще не могла быть осознана во всей полноте. С одной стороны, петровские преобразования были успешны, масштабны и стремительны (создание соответствующей европейским образцам административной системы, регулярной армии, флота, мощной горнозаводской промышленности и т.д.). С другой стороны, идеология европейской модернизации находилась в процессе становления, еще смутно подозревая, что в своей основе должна утвердить понятие свободы.

Свобода реализуется в общественных отношениях. А поскольку различные социальные группы объективно имеют противоречащие друг другу интересы, расширение сферы свободы одних чревато ограничением свободы других. «Свобода неотделима от конкретной исторической, социокультурной ситуации, целеустремленности, избирательности; это — всегда свобода в каком-то определенном отношении, в той или иной степени», — пишет современный философ Л.А.Коган[2]. На зыбкость и многозначность понятия свободы в свое время указывал и Ш.де Монтескье: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово «свобода». Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью; другие — право избирать того, кому должны повиноваться; третьи — право носить оружие и совершать насилия; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. ... Иные соединяют это название с известной формой правления, а люди, пользовавшиеся благами монархического правления, — с монархией. Наконец, каждый именовал свободой то правление, которое наиболее отвечало его обычаям или склонностям»[3].

Британская индустриальная революция второй половины XVIII в. окончательно убедила европейцев в том, что труд свободного наемного работника эффективнее, чем труд подневольный. Свобода соединилась с экономической выгодой — перпетуум-мобиле формировавшегося буржуазного общества. Но в абсолютистской Европе она еще продолжала осознаваться преимущественно в терминах отрицания и противопоставления: свобода от чего-то, свобода против кого-то, свобода как некий предел, при нарушении которого властями народ получает право «взяться за меч». Понимание свободы как зависимости от законов, как права «делать все, что дозволено законами», предложенное Локком, Монтескье и Вольтером[4], воспринималось как перспектива на неопределенное будущее.

Благодаря работам британских и французских философов XVII — XVIII вв. (Дж.Локка, Ш.Монтескье, Ж.-Ж.Руссо и др.) свобода также стала ассоциироваться с демократией, то есть властью народа. Великая французская революция явилась для современников реализацией демократии (превращением из определенного направления мысли в соответствующие ему социальные движение и политический режим) и одновременно — разоблачением ее несостоя-

тельности, доказательством тождества реальной демократии и охлократии. «В нестройные времена ужаса, ... обрызганные кровью нечестивцы с жадным оком и несатым сердцем рыскали по пределам мятущейся Франции, святотатствуя в храмах и даже самые прахи усопших из могил исторгая ...» — таково типичное восприятие революции русским дворянином, отнюдь не реакционером-крепостником, а одним из будущих видных деятелей движения декабристов Ф.Н.Глинкой[5].

В то время, когда Европа разочаровалась в идее демократии, в США сформировались и впервые в мировой истории «заработали» с должной степенью эффективности демократические институты и механизмы власти. Но даже американцы вначале старались избежать термина «демократия» и именовали свою форму представительного правления просто «республикой». «Под демократией понимается правление, при котором законодательная власть осуществляется непосредственно всеми гражданами, как в прежние времена в Афинах и Риме. В нашей стране эта власть находится в руках не народа, а его представителей. Власть народа, по существу, ограничена непосредственным использованием права голоса. Отсюда явное различие между формой правления у нас и в древних демократиях. Наша форма правления получила название республики или, скорее, представительной республики. Поэтому и слово «демократ» используется как синоним французского якобинца», — писал в 1800 г. Н.Уэбстер. По самым смелым оценкам реабилитация терминов «демократия» и «демократ» началась в Америке не ранее 1828 года[6]. В Европе она началась еще позднее: после выхода в свет книги французского историка, социолога и политика А.Токвиля «Демократия в Америке» (I т. — 1835 г., II т. — 1840 г.)[7].

Но до этого европейская общественная мысль пережила весьма затруднительное положение: свобода была осознана как требование не только морального, но и экономического порядка, а демократия уже оказалась скомпрометированной. Выход был найден в идеологии либерализма. Парадигма либерализма предполагает: в мировоззренческом плане — принцип индивидуальной свободы, терпимость к чужим взглядам, признание «естественных» неотчуждаемых прав; в экономическом плане — невмешательство государства в экономику, свободные рынок и конкуренция; в политическом — правовое государство и гражданское общество, предпочтение методов эволюционно-реформистских преобразований перед революционными; в социальном — признание каждого человека самодостаточным для обеспечения своего материального и духовного благополучия. Для Европы, перед которой стояла двойная проблема закрепления позитивных результатов революции и избавления от разгула охлократии, либерализм стал инвариантным ценностным ядром всего модернизационного процесса.

С этого же временного периода — рубежа XVIII — XIX вв. — для стран «полупериферии» либерализм становится критерием «глубины модернизационного эффекта», помогающим ответить на вопрос, «копирует ли модернизация внешние — материальные, технологические, институциональные — проявления передовой цивилизации, или она нацелена на освоение ее глубинных социокультурных механизмов»[8].

ДИАЛЕКТИКА РОССИЙСКОЙ СВОБОДЫ

Россия как страна-реципиент европейской модернизации чутко реагировала на все изменения понятия свободы. Но поскольку именно очевидная несвобода составляла экономический базис российской модернизации, данная сторона западной модернистской идеологии казалась неприемлемой. Тут-то и пригодилась способность понятия «свобода» менять содержание в зависимости от конкретно-исторической и социокультурной ситуации.

В продолжение всего XVIII в. шел процесс сокращения сферы государственной власти и расширения сферы свободы, но лишь для дворянского сословия. Закон 31 декабря 1736 г. ограничил обязательную дворянскую службу 25-летним сроком. Затем последовал манифест Петра III от 18 февраля 1762 г. о даровании «вольности и свободы российскому благородному дворянству». Манифест был составлен не без лукавства: государство в лице монарха не только высказывало в нем надежду на то, что дворяне «будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностию и желанием в оную вступать и честным и ненадзорным образом оную по крайней возможности продолжать», но и повелевало не служивших, «яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества»[9]. Логическим завершением данного процесса явилась так называемая «Жалованная грамота дворянству» Екатерины II от 21 апреля 1785 г.: «Подтверждаем на вечные времена в потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу»[10]. Кроме освобождения от обязательной службы «Грамота» гарантировала неприкосновенность «чести, жизни и имения», закрепляла иные сословные личные и общественные права.

Лишившись существенной доли власти над «первенствующим сословием», государство не особенно пострадало: оттока дворян со службы не произошло. Действительно страдающей стороной оказалось крепостное крестьянство, права которого «Грамота» и иные указы Екатерины II (от 13 декабря 1760 г. — о праве помещиков ссылать крепостных в Сибирь; от 17 января 1765 г. — о праве помещиков отправлять крепостных на каторгу и пр.) окончательно свели к нулю. «Усиление зависимости крестьян было прямым и неизбежным последствием предоставления дворянам свободы», — писал историк российского либерализма В.В.Леонтович[11]. Другой исследователь — Ю.М.Лотман отмечал в «Грамоте» очевидное стремление «подделаться» под свободолюбивые европейские идеи: «Культурный парадокс сложившейся в России ситуации состоял в том, что права господствующего сословия формулировались именно в тех терминах, которыми философы Просвещения описывали идеал прав человека»[12].

Закономерно, что идеи зарождавшегося либерализма были занесены в Россию императрицей, олицетворявшей государство, то есть главное действующее лицо российской модернизации. Подражание европейскому свободолюбию было прямым следствием подражательности всей российской модернизации. При этом внешнее копирование было столь убедительно, что ввело в заблуждение даже мэтров европейской философии. Вольтер считал правление Екатерины

образом просвещенного реформаторства, Гельвеций относил ее к числу монархов, способных просветить мир. Однако как только российская общественная мысль коснулась фундаментального отличия отечественной модернизации от европейской (опоры на крепостническое принуждение вместо вольного найма), монархия покончила со своими идеологическими играми самым решительным образом. Поднявшего «проклятый русский вопрос» А.Н.Радищева просвещенная императрица назвала «бунтовщиком хуже Пугачева» и сослала в Сибирь.

После пугачевщины, Радищева и французской революции было уже невозможно не замечать отличия модернизационного процесса в России от европейского образца. Доктрина либерализма, зародившись в работах Дж.Локка, Монтескье, Вольтера, получила развитие в трудах И.Канта, А.Смита и обрела зрелость в политических идеалах Ф.Гегеля. Подмена понятия свободы была более невозможна. Российские сторонники дальнейшей интеграции с Европой (абсолютное большинство «образованного меньшинства») должны были принять как данность либеральные ценности. Вопрос теперь заключался в их совместимости с российской действительностью. Крепостное право — зло, но зло, которое следует уничтожить или с которым следует смириться? «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу, но знаю, что теперь им неудобно возвратит оную. Тогда они имели навык людей вольных, ныне имеют навык рабов», — писал Н.М.Карамзин, полемизируя со сторонниками отмены крепостного права[13]. Распад идеологического фундамента под политической системой России вступил в новую фазу.

Весь XVIII век Россия делала вид, что неуклонно идет по европейскому пути. В начале XIX в. перед ней встала задача осознанного выбора между комплексным принятием европейской модели развития или продолжением петровской феодальной модернизации. Следующие шесть десятилетий основное содержание политической истории страны составляла напряженная, а порой и драматическая борьба сторонников различных решений этой дилеммы. Александр I, страстно желавший искоренения крепостного права во всей империи, сумел добиться его отмены в трех прибалтийских губерниях, а в общероссийском масштабе — лишь издания указа о вольных хлебопашцах. Николай I не был замечен в стремлении облегчить участь несчастных соотечественников, но сделал на этом поприще не менее своего либерального предшественника (передача в казенное управление малоземельных поместий, предоставление свободы крестьянам Молдовы и Валахии, выкуп крепостных у помещиков-однодворцев, запрет продажи крестьян без земли и покупки их безземельными дворянами, закон об обязанных крестьянах). Что представлял собой крут лиц, который был способен вносить столь существенные коррективы в планы российских монархов?

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЮРОКРАТИЯ

Теоретически при неограниченной монархии должен существовать только один политик, стоящий над им сформированной и выполняющей его волю бюрократией. В реальности это, разумеется, не так. Наличие властвующей элиты

является универсальным правилом для любых типов общества и государственных устройств, не исключая тех, идеологию которых составляют самодержавие сакрализованного монарха или эгалитаристские теории. «С сотворения мира всегда, как правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархии и для республики, для эпох реакционных и революционных. Из управления меньшинства нет выхода...», — утверждал Н.А.Бердяев.

В числе основополагающих идей современных демократий важное место занимают теории элитного плюрализма и баланса элит. Властвующую элиту составляют как минимум такие типы элит, как политическая, экономическая, военная, идеологическая. Их слияние, нерасчлененность, концентрация всех видов власти в одних руках равносильны гибели демократии. Крайняя разрозненность элит, потеря возможности диалога грозят развалом государства. Оценим с этих позиций состояние российской властвующей элиты XVIII — первой половины XIX в.

Первое, что следует отметить, — узость социальной базы формирования, не говоря уже о узости круга лиц, причастных к процессу формирования властвующей элиты. Элиту составляли почти исключительно дворяне, при этом обычно представители наиболее знатных и богатых родов. Политическая, военная, экономическая и идеологическая элиты были представлены одними и теми же людьми. Правда, переломные эпохи, властно требовавшие появления недюжинных энергичных деятелей, выдвигали таковых и из социальных «низов». Правление Петра I и, в частности, головокружительная карьера А.Д.Меншикова — лучшее тому подтверждение. Но в том-то и дело, что затем до конца XVIII в. история России была отмечена не «переломами», а дворцовыми переворотами. В начале следующего столетия именно острая необходимость в реформаторах выдвинула на самый верх российской политики М.М.Сперанского. В числе обвинений предъявляемых противниками, было и его социальное происхождение (прозвища госсекретаря «в свете» — «Попович», «Семинарист»).

Почти все сферы государственного управления были военизированы, и для дворян, не прошедших воинскую службу, карьера по статской и придворным частям была значительно затруднена. Ю.М.Лотман отмечал, что «почти до самого конца «петербургского периода» правительство в случае, если требовался энергичный, расторопный и желательный честный администратор, предпочитало не «специалиста», а гвардейского офицера»[14]. Существует характерный анекдот о том, как Николай I утвердил претендента в должности товарища министра финансов только потому, что тот был «из конной гвардии»[15]. «Русский государственный строй — это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства», — писал Астольф де Кюстин[16].

При отсутствии в крепостнической России полноценных рыночных отношений предпринимательская деятельность не была обеспечена достаточными гарантиями и не давала своим субъектам желаемого положения в обществе. Политическая власть оставалась главным экономическим ресурсом. В царствова-

ние Елизаветы Петровны все металлургические заводы Урала, за исключением Екатеринбургского и Каменского, были приватизированы чиновной аристократией, оказавшей поддержку «дщери Петровой» в борьбе за престол. Показательна и эволюция династий крупнейших уральских земле- и заводоладельцев Строгановых, Демидовых, Яковлевых. Позднейшие представители этих семей все более демонстративно дистанцировались от «неблагогородного» занятия управления собственными заводскими хозяйствами. Демидовы, прибывшие на Урал в начале XVIII в., совершили эту эволюцию быстрее, чем Строгановы, обосновавшиеся в Прикамье в середине XVI в., Яковлевы, приступившие к купке и строительству заводов в крае в 1770-х гг., — еще быстрее. Такое «одворянивание» богатейших людей России не позволяло буржуазии сложиться в независимую экономическую элиту, реальную политическую силу.

Роль относительно самостоятельной идеологической элиты могла достаться Русской православной церкви. Однако ее теократические притязания вызвали ответную реакцию со стороны монархии и тем самым закрыли и эту возможность. Процесс, начавшийся с конфликта царя Алексея Михайловича со своим прежним «собинным другом» патриархом Никоном, привел к замене власти патриарха коллегиальным Синодом при Петре I. В послепетровское время обер-прокурор (на место которого избирали «из офицеров доброго человека, кто имел бы смелость и мог управление синодского дела знать») стал фактическим руководителем святейшего Синода. Огосударствление церкви завершилось. Формирование идеологии как светской, так и духовной оказалось в безраздельном ведении государства.

Налицо нерасчлененность, монолитность российской властной элиты. Монолитность в смысле не отсутствия внутренней борьбы за власть и политической идиллии, а социальной однородности и единства кадрового состава. До реформ 1860 — 1870-х гг. уместно говорить даже не о неразвитых экономической, идеологической, военной элитах, а об экономической, идеологической и военной функциях элиты политической. Уточним, что речь также не идет об отсутствии в России крупных предпринимателей или модных «властителей дум». Речь об элите, следовательно, о власти — возможности и способности навязывать свою волю.

В России рассматриваемого периода не существовало избирательного права, значит, не могло быть и собственно публичных политиков. Не было политических партий, легальных политических движений. Общественное самоуправление даже в его сословном варианте было ограничено функциями распорядительной власти. Эту черту российских общества и государства отмечал Гегель, писавший об отсутствии такой социальной организации, «где существуют права относительно независимых особенных кругов и где произвол чиновного мира предотвращается сопротивлением подобных правомочных кругов» [17]. Поэтому бесполезно искать политиков общенационального масштаба вне государственной организации (если, конечно, не рассматривать столь крайних вариантов, как Е.И.Пугачев) или пытаться внутри этой организации отделить собственно политиков от бюрократов, чиновников.

Политическая элита России XVIII — первой половины XIX вв. — это немногочисленная группа лиц, занимавших командные посты в управлении го-

сударством. Правомерно также поставить знак равенства между понятиями «политическая элита» и «административная (функциональная) элита», «высшая государственная бюрократия». Вопрос о том, кого отнести к этой категории, вернее, где провести нижнюю иерархическую границу этого слоя, в некоторой степени является делом вкуса. По аналогии с современностью представляется, что она не должна опускаться ниже губернаторского поста.

В современной научной литературе термин «бюрократия» имеет двойное значение: это «одновременно и институтированная общность людей, функционирующая в рамках целенаправленно созданных организаций и соответствующего нормативного порядка, и сама система таких организаций»[18]. Согласно веберовской традиции, основными признаками бюрократии являются иерархическая субординированность, обусловленность законами и рациональность ее деятельности, независимость принимаемых решений от желаний конкретных исполнителей, политическая нейтральность чиновников и кадровая политика, основанная исключительно на личных деловых качествах и заслугах чиновников[19]. Эта ставшая классической модель бюрократии в данном случае нуждается в некоторых уточнениях. Во-первых, М.Вебер определял признаки бюрократии, подразумевая наличие в государстве публичных политиков. Таковых, как писалось выше, в России изучаемого периода не было. Соответственно, государственная политика от разработки курса до его реализации находилась в руках царя и высокопоставленных чиновников. Во-вторых, сама веберовская модель в дальнейшем подверглась пересмотру в трудах Э.Мейо, Г.Саймона, П.Блау, М.Кроузе и других исследователей. При этом речь шла не столько о критике, сколько о соотношении с реальностью «идеального типа», сознательно сконструированного Вебером как отвлеченная теоретическая схема. В результате достоинство таких постулатов, как политическая нейтральность бюрократии и безличность ее решений было поставлено под сомнение. Современный исследователь волен рассматривать политику как неформальный фактор, влияющий на функционирование бюрократической системы, но не учитывать его уже не имеет возможности.

«ЛИБЕРАЛИСТЫ»: ОТ ЗАГОВОРА ДО ВЛАСТИ

«Свобода — душа всего на свете, без тебя все мертво. Хочу повиноваться законам, но не рабам...»[20]. Понимала ли Екатерина II, вторя мыслям Монтескье и Вольтера, сколь опасные для российского самодержавия игры она затеяла? В конце правления ей уже пришлось бороться с вышедшими из под контроля «либералистами» А.Н.Радищевым и М.Н.Новиковым. И был еще автор конституционного «Рассуждения» Д.И.Фонвизин, которому, по словам Пушкина, не избежать бы судьбы Радищева, «если б не чрезвычайная его известность»[21]. Был участник американской и, возможно, французской революций литератор Ф.В.Каржавин[22]. И все же в конце XVIII в. «либералистов» в России — единицы. Благоприятная пора для развития российского либерализма наступила в начале следующего столетия. На престоле — враг самодержавия и крепостничества. В отличие от своей державной бабки Александр I уже через две недели после воцарения пытался приступить к решению

«проклятого русского вопроса»: внес на рассмотрение Государственного совета проект закона о запрещении продажи крепостных без земли. Его же царствование было ознаменовано появлением в России первого общественно-политического движения, исповедовавшего идеалы либерализма, — движение декабристов.

Трагизм ситуации заключался в том, что либеральным устремлениям монарха и передового дворянства не было суждено соединиться. Между либеральным мифотворчеством Екатерины II и радикальным либерализмом Радищева — пропасть ценностного, идеологического характера. Между Александром I и декабристами, особенно в период 1818 — 1821 гг. — дистанция, обусловленная главным образом иерархическими соображениями царя. Заговорщики даже пытались оказать помощь тайным замыслам монарха, как это было во время полтавского эксперимента 1818 г.[23]. Сложившаяся парадоксальная ситуация весьма точно подмечена историком и писателем Н.Я.Эйдеманом в романе «Большой Жанно»: «Все мечтания о свободах, вся либеральность произошла от царских речей, проектов, «дней Александровых прекрасного начала». Он сам, царь, как бы создал нас (декабристов — В.Ш.): хоть принимай его в тайный союз, выходи с ним на площадь».

Александр — на троне, декабристы — в гвардии, армии. Между ними — государственная бюрократия. Отпор либеральным устремлениям царя она дала решительно и твердо, будь то «екатерининские старики» — члены Государственного совета или «молодые друзья» — члены Негласного комитета[24]. Возобладали соображения не государственного, а сословного порядка. Только в начале 1820-х гг. Александр, устав от глухого противодействия собственных сановников, расстался с надеждой на коренную либерализацию режима. В это же самое время декабристы потеряли веру в «просвещенного монарха» и приступили к перестройке своей организации для ведения насильственной революционной борьбы. Впрочем, даже на рубеже 1825 — 1826 гг., в Петропавловской крепости, они все еще надеялись, что монарх призовет их, выслушает и пойдет вместе с ними по пути либеральных преобразований. Увы, на троне была уже совсем иная политическая фигура — царь Николай I.

Известный историк Х.Сетон-Ватсон писал об отношении этого монарха к проблеме реформирования страны: «Николай был недоверчив к нововведениям, но непреклонен в принципах. Он принял результаты политики брата. В частности он дал клятву польской конституции. Он подверг внимательному изучению те проекты дальнейших реформ, которые были в рассмотрении на момент кончины Александра I. Он сознавал несправедливость крепостничества, но не верил в возможность его скорой отмены: он предпочитал череду постепенных реформ, медленно проводившихся по обычным бюрократическим каналам. ... Он также воображал себя наследником Петра Великого. Он держал бюст своего великого предшественника на рабочем столе и говорил одному сановнику: «Это образец, которому я стремился следовать все мое царствование». В самом деле ... он продолжил процесс модернизации страны, начатый Петром»[25].

Последнее замечание нуждается в уточнении. Возможность «почивать на лаврах» петровской феодальной модернизации иссякла вместе с XVIII столе-

тием. Возможность квазилиберальных игр, не затрагивавших основу основ социального строя России — крепостного права, осталась в екатерининской эпохе. Модернизационная политика Николая построена на компромиссах: в ней есть черты и от Петра (феодалное принуждение), и от Екатерины (демагогия), и от Александра (реальные шаги по ограничению крепостничества). Симпатии самого императора принадлежали петровской модели. Выше уже указывалось, что в конечном итоге Николай I сделал для ограничения крепостного права не меньше, чем его предшественник. Но Александр хотел и не смог сделать больше, а Николай не хотел и не мог позволить меньше. Невозможность (экономическая, политическая, нравственная) дальнейшего развития на основе эксплуатации крепостного труда стала очевидна. Настало время «платить по счетам» за то, что Петр открыл Россию для западного «ветра перемен», но не допустил полноценного перевода страны на западный путь развития.

Изменилась и политическая физиономия высшей бюрократии. «Неким взяты», — так Александр I объяснял однажды причину своих неудач на реформаторском поприще. В царствование Николая I «вошли в чины» те, чья юность пришла на предыдущее царствование, когда либерализм был чуть ли не всеобщим увлечением. Ключевые посты в государстве крепостникам пришлось делить с «либеральными бюрократами»: министром государственных имуществ П.Д.Киселевым, генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н.Муравьевым-Амурским и др. «Во власть» пришли и многие бывшие члены декабристских организаций, в первую очередь Союза благоденствия: министр уделов Л.А.Перовский, его брат оренбургский и самарский генерал-губернатор В.А.Перовский, санкт-петербургский генерал-губернатор А.А.Кавелин, генерал-губернатор Прибалтийского края А.А.Суворов, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории П.Х.Граббе, начальник Северо-Западного края И.Г.Бибиков, обер-прокурор Синода С.Д.Нечаев, главный начальник горных заводов Уральского хребта В.А.Глинка, сенаторы В.И.Пестель, И.Н.Хотяинцов, А.Д.Башуцкий и др. Ссылный декабрист М.С.Лунин писал о продолживших службу товарищам: «Пора прозреть и отказаться от несправедливых предубеждений — против этих людей будущего. Как все поля выигранных сражений обгажены их кровью, так и во всех разумных действиях властей мы находим влияние их идей» [26].

Крымская война окончательно разоблачила невозможность дальнейшего развития страны при сохранении крепостничества. К концу 1850-х гг. влияние «либеральной бюрократии» на выработку политического курса Российского государства стало определяющим. В 1861 г. крепостное право, столь разительно отличавшее Россию от Европы, было упразднено. Период феодальной модернизации в истории страны сменился эпохой либеральных реформ. Однако отставание всех сфер общественной жизни от западно-европейского и северо-американского образцов было вновь разительно велико. Впереди Россию ждал новый этап «модернизации вдогонку», который ей не суждено было довести до логического конца.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Спунда А. Очерк экономической истории русской буржуазии // Наука и жизнь, 1988. № 1. С. 80.
2. Коган Л.А. Трехднство свободы // Вопросы философии, 1997. № 5. С. 31.
3. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 288.
4. Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977.
5. С. 23; Кузнецов В.Н., Месеровский Б.В., Гризнов А.Ф. Западноевропейская философия XVIII века. М., 1986. С. 171 — 172; Локк Дж. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. М., 1988. С. 293.
6. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 385-386.
7. Ильин М.В., Мельвиаль А.Ю., Федоров Ю.Е. Демократия и демократизация // Полис. 1996. № 5. С. 151.
8. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.
9. Зубков К.И. Модернизация, либерализм и русская консервативная мысль // Уральский исторический вестник. № 2. Екатеринбург, 1995. С. 15.
10. Познанский В.В. Очерк формирования русской национальной культуры. М., 1975. С. 15.
11. Российское законодательство X — XX веков. В 9 т. М., 1987. Т.5. С. 28.
12. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 — 1914 гг. М., 1995. С. 36.
13. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 40.
14. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 87.
15. Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 25.
16. Залесский П.И. Возмездие. Причины русской катастрофы. Берлин, 1925. С. 48 — 49.
17. Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 432 — 433.
18. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 336.
19. Пушкарева Г.В. Государственная бюрократия как объект исследования // Полис. 1997. № 5. С. 77.
20. Weber M. Essay on Bureaucracy // Rourke F. Bureaucratic Power in National Policy Making. Boston, 1986. P. 62-73.
21. Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. 4. СПб., 1907. С.14.
22. Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII — XIX веков. М., 1993. С. 214 — 226.
23. Рабинович В.И. Вслед Радищеву... Ф.В.Каржавин и его окружение. М., 1986.
24. Равдин Б.Н., Рогинский А.Б. Записка декабриста М.Н.Новикова «О земледелии и мануфактурах в России» (1816 г.) // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. С. 112-143.
25. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 146 — 178; Сафронов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 97 — 106; 141 — 146.
26. Seton-Watson H. The Russian Empire. 1801-1917. Oxford, 1967. P. 200 — 201.
27. Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 140 — 141.

THE IDEA OF LIBERTY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN MODERNIZATION OF THE XVIIIth – FIRST HALF OF THE XIXth CENTURIES

The idea of liberty, being one of the major prompting motive of the societal development, is, in turn, altering together with the change of historical and socio-cultural situations. The article examines the evolution of this idea through implementing the qualitatively differentiated stages of the Russian modernization in the XVIIIth — first half of the XIXth centuries, as well as its influence upon the modernization process itself.

V.A.Shkerin